

О классовомъ сознаниі

Въ проектѣ программы, который былъ предложенъ конгрессу австрійской социаль-демократической партіи въ ноябрь 1926 года въ Линцѣ, значилось:

«Австрійская социаль-демократическая рабочая партія, опираясь на ученія научнаго социализма и на опытъ десятилѣтій успѣшной борьбы, тѣсно связанная съ социалистическими рабочими партіями другихъ народовъ, ведетъ освободительную борьбу трудящихся классовъ народа».

Эта формулировка о «трудящихся классахъ народа» явилась въ извѣстномъ смыслѣ идеологической сенсацией въ средѣ тѣхъ круговъ социализма, которые привыкли къ точности и однозначности классовой точки зрѣнія ортодоксальнаго марксизма. Заговоривъ объ освободительной борьбѣ «трудящихся классовъ» народа, программная коммиссія австрійской социаль-демократіи, представляющей, вообще говоря, наиболѣе ортодоксально-марксистское крыло въ современномъ социализмѣ, какъ бы заявила, что партія является не одно-классовой, а многоклассовой, партией не пролетаріата только, а всѣхъ трудящихся классовъ. Это было сенсационно потому, что въ свое время большіе протесты вызвала формулировка Герлицкой программы германской социаль-демократіи, когда въ такъ называемомъ «большинствѣ» крайне сильно были представлены тенденціи радикальной ревизіи наслѣдія Маркса. Первый пунктъ Герлицкой программы гласилъ: «Германская социаль-демократическая партія есть партія трудящагося народа въ городѣ и деревнѣ». Въ этой формулировкѣ справедливо усматривали отказъ отъ выраженной классовой позиціи и полное торжество тѣхъ теченій, которыя давно уже настаивали на необходимости и неизбежности превращенія германской рабочей партіи въ партію обще-народную, партію всѣхъ трудящихся.

Въ 1925 году на Гейдельбергскомъ конгрессѣ объединенная германская социаль-демократическая партія приня-

ла новую программу, въ которой интересующій насъ пунктъ Герлицкой программы исчезъ и пролетарскій характеръ партіи былъ декларированъ въ программѣ достаточно отчетливо. И вотъ черезъ годъ съ небольшимъ, послѣ того, какъ въ умѣренномъ Гейдельбергѣ были уничтожены слѣды совѣмъ праваго Герлица, эти слѣды появились въ такомъ неожиданномъ мѣстѣ, какъ въ лѣвой и ортодоксальной Вѣнѣ.

Необходимо признать, что въ формулировкѣ программной комиссіи австрійской партіи крылись несомнѣнные противорѣчія. Если партія называетъ себя «рабочей партіей», то конечно она ведетъ освободительную борьбу не «трудящихся классовъ народа», а рабочего класса. Если же она ведетъ борьбу «трудящихся классовъ народа», тогда се логичнѣе будетъ называть не «рабочей», а «трудо-вой», «народно-трудо-вой» и т. п. Во всякомъ случаѣ на Линцкомъ конгрессѣ партіи почувствовали, что въ проектѣ программной комиссіи кроется определенный «уклонъ», если не прямой разрывъ съ традиціей всѣхъ до сихъ поръ существовавшихъ социаль-демократическихъ программъ и формулировка программной комиссіи была отвергнута. Конгрессъ въ цѣломъ оказался «выдержаннымъ» группы партійныхъ идеологовъ, составившихъ программную комиссію, и въ окончательномъ видѣ «трудящіеся классы народа» изъ программы исчезли, а на ихъ мѣсто появилось прежнее однозначное понятіе «рабочій классъ».

Конечно, покушеніе на разрывъ съ классической точкой зрѣнія не есть еще самый этотъ разрывъ. Однако самый тотъ фактъ, что выдающіеся теоретики лѣвой ортодоксальной партіи допустили хотя бы временную слабость въ формулировкѣ классово-пролетарскаго характера своей партіи, — самый этотъ фактъ показываетъ, что въ прежней концепціи социалистическаго движенія, выдержанной въ строго классовыхъ тонахъ, образовалась идеологическая трещина. Пользуясь обиходными выраженіями, можно сказать, что классовое сознание современнаго социализма въ значительной мѣрѣ ослабло. Въ чемъ это выражается?

Для отвѣта на этотъ вопросъ возьмемъ одинъ частный примѣръ изъ практики того же австрійскаго социаль-демократическаго движенія. Въ составѣ австрійской партіи имѣется до 30.000 мелкихъ собственниковъ — ремеслен-

никовъ и торговцевъ, образующихъ внутри общепартийнаго организма отдѣльную автономную группу. Задача этой группы сводится къ защитѣ своихъ социальнo-экономическихъ интересовъ, которые не противорѣчатъ интересамъ рабочаго класса, но которые вмѣстѣ съ тѣмъ являются специфическими классовыми интересами данной группы мелкихъ собственниковъ. Они въ партіи ведутъ борьбу бокъ-о-бокъ и въ полной гармоніи со всѣми остальными элементами, составляющими партийный организмъ, за общія цѣли социальной и политической демократіи, за преодоленіе современнаго капитализма и замѣну его строемъ социалистическимъ. Но у нихъ есть свои собственные классовые интересы въ современномъ капиталистическомъ обществѣ и эти интересы они хотятъ защищать при помощи социаль-демократической партіи. Если рабочій имѣетъ право требовать отъ партіи: «Защити мои классовые интересы», то формально съ этимъ же имѣютъ право обратиться къ партіи и эти организованныя группы мелкихъ собственниковъ. Дѣло тутъ идетъ не о той помощи, на какую всякій членъ партіи имѣетъ право рассчитывать именно постольку, поскольку онъ вошелъ въ это большое единство. Дѣло тутъ идетъ о помощи социальнаго типа, о поддержкѣ данной социальной группы въ ея специфическихъ классовыхъ интересахъ. Таково же примѣрно и положеніе въ партіи такъ называемаго «Союза свободныхъ трудовыхъ крестьянъ въ Австріи». Организациа эта, входящая въ социаль-демократическую партію, численно значительно слабѣе организации ремесленниковъ и торговцевъ, но принципиальной разницы здѣсь никакой нѣтъ и мелкіе крестьянскіе собственники, организованные въ партіи, имѣютъ право требовать отъ партіи защиты своихъ классовыхъ интересовъ, именно какъ мелкихъ крестьянскихъ собственниковъ.

Конечно, въ общей массѣ членовъ партіи эти не пролетарскія группы составляютъ все еще ничтожное меньшинство. Если бы они въ партію входили только въ своемъ индивидуальномъ качествѣ, какъ отдѣльныя лица, занятая той или иной профессіей, пусть на основѣ частной собственности, то въ ихъ пребываніи въ партіи ничего проблематическаго бы не было. Въ концѣ концовъ партія ни у кого не спрашиваетъ, чѣмъ онъ занимается и откуда получаетъ источники существованія, если только нѣтъ основаній для какихъ-либо тяжелыхъ подозрѣній.

Но въ данномъ случаѣ мы стоимъ передъ радикально инымъ положеніемъ: хотя этихъ людей чикто не спрашиваетъ чѣмъ они занимаются, они сами объ этомъ весьма настойчиво заявляютъ и желаютъ, чтобы рабочая социалистическая партія не только терпѣла ихъ принадлежность къ мелко-буржуазнымъ социальнымъ группировкамъ, но и содѣйствовала бы имъ внутри этихъ социальныхъ группировокъ оставаться и впредь и имѣть возможность вести достойное существованіе.

Велико ли, мало ли количество такихъ членовъ въ общемъ составѣ партіи, ихъ формально и принципиально признанная претензія на защиту своихъ классовыхъ интересовъ, не противорѣчающихъ интересамъ рабочаго класса, но и съ ними не совпадающихъ, все-таки дѣлаетъ изъ ихъ пребыванія въ партіи большую угрозу для чисто классовой концепціи всего партійнаго строительства и водительства. Тысяча членовъ партіи, являющихся лавочниками, не столь опасна для этой классовой концепціи, чѣмъ двадцать лавочниковъ, образующихъ внутри партіи группу по защитѣ интересовъ лавочниковъ, хотя бы и мелкихъ, хотя бы и мельчайшихъ. Тысяча отдѣльныхъ членовъ партіи, принадлежащихъ къ классу мелкихъ торговцевъ, все-таки никогда не будетъ имѣть ни формальныхъ ни реальныхъ возможностей вліять на практику работы социалистической кооперации, вообще говоря очень опасной для мелкаго торговца, а организованная группа членовъ партіи изъ мелкихъ торговцевъ имѣетъ и реальное и формальное право заявлять тѣ или иныя претензіи относительно работы социалистическихъ кооператоровъ и добиваться какого то «согласованія» интересовъ, вообще столь противоположныхъ.

Это не теоретически придуманный случай. Я нахожу такую постановку вопроса въ статьѣ, напечатанной въ руководящемъ органѣ австрійской социаль-демократической партіи «Деръ Кампфъ». Авторъ излагаетъ основы организации и борьбы социаль-демократическихъ ремесленниковъ и торговцевъ и выражаетъ недовольство тѣмъ что партія до сихъ поръ еще мало считается съ интересами этихъ слоевъ. «Иногда въ партіи спокойно смотрятъ какъ раззоряется ремесленникъ и торговецъ, который является нашимъ партійнымъ товарищемъ и оставляютъ свои трудовые гроши у своихъ политическихъ противниковъ. Проходятъ мимо социаль-демократическаго бакалейщика

и заходятъ къ христiанско-соціальному, слушаютъ тамъ, какъ тотъ клянеть соціалъ-демократическую партію, огмалчиваются и въ слѣдующій разъ опять заворачиваютъ къ христiанско-соціальному бакалейщику, мяснику, булочнику, саложнику, портному и т. д.»

Авторъ требуетъ, чтобы подобныя явленія были прекращены и чтобы создавалось какъ бы моральное обязательство покупать и заказывать именно только у членовъ партіи. Но вѣдь наряду съ этими частными лавочниками и ремесленниками, входящими въ партію, имѣется социалистическая кооперация и вѣдь эта кооперация говоритъ членамъ партіи: «Минуйте частнаго лавочника и закупайте все въ кооператив!»... Какъ же быть? Передъ авторомъ статьи въ центральномъ соціалъ-демократическомъ журналѣ имѣтъ даже этого вопроса. Наоборотъ, его кооперативное движеніе интересуется совѣмъ съ другой стороны. Онъ пишетъ: «Желательно, чтобы при агитаціи за кооперативныя общества не имѣли бы мѣста тѣ пестуразности и вывихи, которые кооперативамъ никакой пользы не приносятъ, но нашему движенію вредятъ и питаютъ необоснованныя предубѣжденія. Оба движенія, и соціалъ-демократическихъ ремесленниковъ и торговцевъ, и кооперативное, могутъ вполнѣ хорошо уживаться другъ съ другомъ, какъ напримѣръ въ нашей партіи находятъ себѣ мѣсто свободомыслящіе рядомъ съ религіозными социалистами, «сухіе» рядомъ съ «мокрыми» и т. д. (№ 7, 1928 г.).

Легко видѣть, что проблема сожительства въ предѣлахъ партіи кооперации съ частнымъ торговцемъ совѣмъ иного принципиальнаго содержанія, чѣмъ проблема сожительства внутри партіи религіозныхъ и антирелигіозныхъ социалистовъ. Въ послѣднемъ случаѣ мы имѣемъ передъ собою противорѣчіе взглядовъ и міроощущенія, а въ первомъ противорѣчіе реальныхъ экономическихъ интересовъ. Демагогическія крайности ходовой кооперативной агитаціи, заостренной противъ «вампира»-лавочника, могутъ и должны быть оставлены внѣ всякой зависимости отъ чувствительныхъ къ этому членовъ партіи, занимающихся ремесломъ и торговлей. Но отъ этого сложность самой проблемы сожительства разныхъ соціальныхъ группъ въ единой партіи, обязанной защищать всѣ эти интересы, — отъ этого сложность самой проблемы нисколько не уменьшается. Нынѣшняя малочисленность этой группы мелкихъ собственниковъ въ рамкахъ партіи

ровно ничего здѣсь не мѣняется, потому что партія заинтересована въ томъ, чтобы малое число такихъ членовъ партіи стало бы большимъ числомъ и возможности роста въ этомъ направленіи далеко еще не исчерпаны, во всякомъ случаѣ относительно гораздо менѣе исчерпаны, чѣмъ возможности роста за счетъ индифферентныхъ или прямо враждебныхъ чисто пролетарскихъ группъ.

**

Съ этой же проблемой мы встрѣчаемся и во французской социалистической партіи.

Здѣсь положеніе осложняется тѣмъ, что французская социалистическая партія является пролетарской партіей гораздо больше въ идеѣ, чѣмъ въ своей социальной реальности. Ея пролетарская «выдержанность» имѣетъ чисто догматическій характеръ, ибо французская социалистическая партія является не столько рабочей партіей, сколько партіей для рабочихъ. Это въ очень осторожной, но достаточно ясной формѣ, выразилъ Э. Вандервельде въ своей статьѣ, излагавшей впечатлѣнія отъ конгресса французской партіи въ Бордо лѣтомъ 1930 года.

Задумываясь надъ причинами рѣзкаго раздѣленія партіи на лѣвыхъ и правыхъ и надъ ихъ битвами до и во время конгресса, Вандервельде пришелъ къ выводу, что здѣсь огромную роль играетъ отсутствіе пролетарскихъ массъ въ составѣ партіи. Сравнивая французское социалистическое движеніе съ бельгійскимъ, онъ пишетъ: «На конгрессѣ бельгійской рабочей партіи сразу бросается въ глаза тотъ фактъ, что большинство делегатовъ это рабочіе или бывшіе рабочіе, представители союзовъ, больничныхъ кассъ и кооперативовъ, включенныхъ въ партію. На конгрессѣ же французской партіи господствуютъ политики, интеллигенты, часто извѣстные представители социалистической мысли. Несомнѣнно, французская социалистическая партія на сторонѣ рабочаго класса. Но нельзя сказать, что она представляетъ самый рабочій классъ, политически и социально организованный. Во всякомъ случаѣ, она его представляетъ не въ такой мѣрѣ, какъ въ Бельгіи, Англии и Германіи. При такихъ условіяхъ, становится неизбѣжнымъ, что центръ тяжести переносится на чистую политику, причемъ у однихъ это избирательные успѣхи, а у дру-

гихъ это строгія формулы классовой борьбы, за которыя они держатся съ тѣмъ большею страстью, чѣмъ больше самый пролетаріатъ находится гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ, въ генеральной конфедерации труда, если не въ коммунистическихъ союзахъ, или въ кооперативахъ, въ аполитическихъ организацияхъ, которыя совсѣмъ не связаны или связаны только слабыми персональными узами съ партией» *).

Въ этихъ замѣчаніяхъ Вандервельде, по его положенію въ качествѣ предсѣдателя Интернаціонала, весьма осторожныхъ, кроется тѣмъ не менѣе горькое содержаніе. Выходитъ, что во французской социалистической партіи потому такъ строго блюдутъ классовую догму, что основной классовой опорой социалистическаго движенія, пролетариата, во французской партіи очень мало. Строгость классовой пролетарской точки зрѣнія во французской партіи — это строгость группы интеллигентскихъ идеологовъ, заслуги которыхъ въ дѣлѣ развитія теоріи классовой борьбы пролетариата значительно превышаютъ ихъ заслуги въ дѣлѣ привлеченія этого пролетариата въ ряды борющагося социализма. Классоваго пролетарскаго самосознанія много, а самаго пролетариата мало. Получается какъ бы обратная пропорція между классовой сознательностью и классовымъ составомъ французскаго социализма.

Это, впрочемъ, не первый случай въ исторіи современнаго социалистическаго движенія. Въ европейскомъ социализмѣ наиболѣе строгая классовая точка зрѣнія господствовала въ русской социаль-демократіи. Но русская социаль-демократія и въ хорошія свои времена была очень мало связана съ дѣйствительно пролетарскими кадрами. И здѣсь царствовала обратная пропорція между классовымъ составомъ и классовымъ сознаниемъ. Эта обратная пропорція представлена и въ очень интересномъ противоположномъ случаѣ: англійская рабочая партія несомнѣнно является одной изъ самыхъ пролетарскихъ партій современнаго социализма. Однако, классовое пролетарское самосознаніе въ ея догматической формѣ менѣе всего представлено здѣсь, гдѣ классовый составъ партіи не внушаетъ ужъ абсолютно никакихъ сомнѣній.

Но если вернуться къ французскому социализму, то его

*) См. «Arbeit. Zeitung» отъ 22-VI 1930 г.

строгое классовое самосознаніе оказывается порою и все чаще чрезвычайно оппортунистичнымъ. Какъ извѣстно, между французской социалистической партіей и генеральной федерацией труда, гдѣ сосредоточены главныя силы французскаго пролетаріата, отношенія весьма далеки отъ полнаго единодушія. Имѣются элементы взаимнаго политическаго недовѣрія, такъ какъ для лѣваго большинства французской социалистической партіи генеральная конфедерация труда является очагомъ всякаго реформизма и правыхъ настроеній. Основная проблема французскаго социалистическаго движенія — овладѣніе рабочими кадрами -- не можетъ быть рѣшена, покуда между партіей и синдикатами существуютъ такія отношенія. Для того, чтобы распространить свое вліяніе на профессионально-организованныя рабочія массы, партія должна была бы во многомъ уступить реформизму синдикатовъ и генеральной федерации труда. Но на это не хватаетъ пока еще идеологической рѣшимости. По отношенію къ организованному пролетаріату партія еще очень строга въ своей классовой выдержанности.

Тѣмъ удивительнѣе, какъ она становится идеологически весьма снисходительной какъ только рѣчь заходитъ о французскомъ крестьянствѣ. Въ резолюціи, принятой на конгрессѣ въ Бордо, заявляется:

«Партія будетъ бороться за то, чтобы земля крупныхъ собственниковъ перешла къ сельско-хозяйственному пролетаріату, мелкимъ и среднимъ арендаторамъ, которые будутъ ее обрабатывать въ формѣ коллективныхъ, кооперативныхъ, коммунальныхъ, профессиональныхъ или семейныхъ хозяйствъ. Партія стремится къ тому, чтобы указанные слои крестьянства могли воспользоваться для себя социальнымъ и рабочимъ законодательствомъ и получить доступъ къ собственности... Побѣдоносный социализмъ будетъ считать своимъ долгомъ охрану собственности мелкихъ и среднихъ собственниковъ, которые обрабатываютъ землю безъ наемнаго труда или которые вмѣстѣ съ семьей даютъ хозяйству наибольшую часть необходимаго для его веденія труда... Социалистическая партія весьма далека отъ равнодушія или враждебности къ будущимъ судьбамъ крестьянина и наоборотъ, — она хочетъ осуществить социализмъ вмѣстѣ съ крестьянами, при помощи крестьянъ и для крестьянъ».

Резолюція эта была принята единогласно, т. е. и тѣми

частями партій, которыя удивляли Вандервельде своей страстью въ защитѣ строго-классовыхъ позицій. Какъ бы ни смотрѣть на возможность согласованія въ современномъ обществѣ интересовъ пролетаріата съ интересами мелкой и средней крестьянской собственности, необходимо признать одно: согласовать формулы крестьянской резолюціи французскаго социалистическаго конгресса съ прежними строгими формулами пролетарской классовой борьбы, наврядъ-ли возможно, если не пользоваться путями чистѣйшей схоластики, согласовывающей не понятия и цѣли, а только болѣе или менѣе расплывчатые слова о нихъ.

Если для правыхъ теченій во французскомъ социализмѣ такая позиція въ крестьянскомъ вопросѣ входитъ еще болѣе или менѣе легко въ общую ихъ концепцію социальнаго развитія и борьбы за социализмъ, то для лѣвой части французской партіи эта крестьянская программа не можетъ быть ничѣмъ инымъ какъ абсолютнымъ оппортунизмомъ, принимающимъ и выдвигающимъ формулы, приспособленныя не столько къ принципамъ, сколько къ надобностямъ избирательной борьбы и текущей политики. Для партіи, не желающей быть оппортунистичной въ вопросѣ о томъ, какъ быть съ профессионально-организованными кадрами пролетаріата, эта готовность быть оппортунистичнымъ по отношенію къ мелкому и среднему крестьянскому собственнику, является весьма показательной.

Какъ этотъ оппортунизмъ отражается не въ программныхъ декларацияхъ, а въ текущей политической работѣ партіи, можно видѣть изъ слѣдующаго характернаго примѣра. Я беру рѣчь социалистическаго депутата Жоржа Ришара при обсужденіи въ палатѣ смѣты министерства земледѣлія въ февралѣ 1931 г. Ораторъ подробно останавливается на кризисѣ французскаго винодѣлія. Годовое потребление вина пало во Франціи съ 155 литровъ на душу населенія въ 1925 г. до 140 литровъ въ 1929 г. И хотя Франція и нынѣ стоитъ далеко впереди другихъ винодѣльческихъ странъ по душевому потребленію вина, и хотя она обнаруживаетъ устрашающую съ точки зрѣнія интересовъ народнаго здоровья рекордъ душевого потребленія чистаго алкоголя (около 18 литровъ!), тѣмъ не менѣе забота социалистической партіи направлена не на уменьшеніе, а на увеличеніе потребленія вина. Среди мѣръ, предлагае-

мыхъ ораторомъ соціалистической партіи, фигурируютъ: пониженіе розничныхъ цѣвъ на вино, болѣе высокое обложеніе тѣхъ ресторановъ, гдѣ вино не входитъ въ составъ меню (вѣнь нонъ компри); субсидіи синдикатамъ и отдѣльнымъ лицамъ, рекламирующимъ французское вино на національныхъ и интернаціональныхъ выставкахъ; усиленіе виннаго рачіона въ казармѣ («что способно поднять духъ нашихъ войскъ») и въ государственныхъ школахъ («аплодисменты на различныхъ скамьяхъ»). Относительно школъ соціалистической ораторъ устанавливаетъ, что «тамъ какъ будто объявлена война потребленію вина». Выражается это въ этомъ, что въ одномъ учебникѣ натуровѣдѣнія и другомъ учебникѣ гигиены авторы ихъ рѣшаются осовѣтовать потребленіе вина. Ссылаясь на авторитетъ Пастера, ораторъ приходитъ къ выводу, что въ интернатахъ французскихъ государственныхъ школъ вино не можетъ быть ни запрещено, ни дисквалифицировано. Вообще говоря, надо возможно скорѣе создать организацію по пропагандѣ вина. Эта организація могла бы выпустить спеціальныя плакаты. «Когда мы путешествуемъ по Франціи мы видимъ громадныя плакаты, рекомендующіе минеральныя воды. Но мы не видимъ плакатовъ, рекомендующихъ бутылку добраго французскаго вина». Ораторъ требуетъ, чтобы при помощи государства были изготовлены подобныя плакаты и розданы 500.000 французскимъ кабатчикамъ. Далѣе слѣдуетъ цѣлый рядъ мѣропріятій по вытѣсненію изъ Франціи иностранныхъ винъ, въ томъ числѣ повышеніе тарифныхъ ставокъ, по снабженію французскимъ виномъ колоній и т. п. *)...

Конечно, французы не слишкомъ увлечены борьбой съ алкоголизмомъ и члены соціалистической партіи — добрые французы. Но все-таки въ такой защитѣ интересовъ весьма значительнаго въ странѣ кадра крестьянскихъ собственниковъ, въ такомъ заступничествѣ за бутылку добраго французскаго вина, которое посягаетъ даже на свободу научной и педагогической совѣсти составителей учебниковъ, — во всемъ этомъ слишкомъ много отъ лукаваго оппортунизма, страннымъ образомъ совмѣщающаго выдержанную классовую точку зрѣнія пролетаріата съ выдержанной точкой зрѣнія собственниковъ плохо реализующейся сейчасъ винодѣлческой продукціи.

*) Цитирую по отчету въ «La Vie Socialiste» отъ 28-II 1931 г.

Я взялъ примѣры двухъ социалистическихъ партій, считающихся и себя считающихъ болѣе лѣвыми, болѣе блюдушими классовую чистоту своихъ помышлений и поступковъ, по сравненію съ другими социалистическими партіями. Обѣ эти партіи — одна уже болѣе 10 лѣтъ, другая ни разу послѣ войны — не грѣшили участіемъ въ какой либо коалиціи съ представителями буржуазныхъ партій и классовъ. И тѣмъ не менѣе и здѣсь, и тамъ реальность политической и социальной борьбы вынуждаетъ на помышленія и поступки, стоящіе въ рѣзкомъ и принципиальномъ противорѣчьи съ чисто классовой концепціей социалистическаго движенія. Если бы мы обратились къ практикѣ партій, менѣе претендующихъ на вѣрность формуламъ классическаго марксизма, то отходъ отъ классовой концепціи социалистическаго движенія вырисовался бы въ еще болѣе отчетливой формѣ.

Въ чемъ заключаются общія длительныя причины этого практическаго и теоретическаго отхода?

*
**

Нѣтъ сейчасъ, кажется, ни одной социалистической партіи, которая не стояла бы на той точкѣ зрѣнія, что внѣ завоеванія на путяхъ демократіи сочувствія прочнаго большинства населенія нѣтъ иныхъ путей осуществленія социалистической программы. Вопросъ о завоеваніи большинства сталъ основнымъ тактическимъ вопросомъ современнаго социализма. Но откуда, изъ какого социального матеріала должно, можетъ образоваться это большинство?

Было время, когда этотъ вопросъ рѣшался сравнительно просто. Пролетаріатъ по неотвратимымъ законамъ социального развитія станетъ большинствомъ населенія, социализмъ завоеуетъ симпатіи пролетаріата, и такимъ образомъ на сторонѣ социализма и будетъ большинство населенія. Обѣ задачи: завоеваніе большинства и сохраненіе пролетарско-классоваго характера социалистической партіи стояли въ функциональной зависимости другъ отъ друга и разрѣшались одновременно. Никто не тѣшилъ себя надеждами на слишкомъ скорое превращеніе большинства населенія въ пролетаріатъ, но вѣдь и осуществленіе социализма отодвигалось въ нѣкую хилиастическую даль, на

которую только и проектировался послѣдній и рѣшительный бой. Существовала несомнѣнная органическая слитность между двумя музыками будущаго: будущаго пролетарскаго большинства и будущей побѣды социализма. Между средствами и цѣлью существовала связь, позволявшая со спокойной научной и политической совѣстью отстаивать чисто классовый характеръ движенія.

И вотъ эта органическая слитность рушилась. Радикально измѣнились представленія объ эволюціи классовъ въ современномъ обществѣ. Предсказанное превращеніе крестьянскихъ массъ въ наемныхъ рабочихъ не осуществилось, и въ гораздо болѣе медленномъ темпѣ шла пролетаризація среднихъ классовъ города. Аграрныя революціи и глубоко идущія аграрныя реформы создали изъ элементовъ, стоявшихъ на самой границѣ пролетаризаціи или даже эту границу уже переступившихъ, миллионы новыхъ мелкихъ собственниковъ. Если капитализмъ убивалъ въ городѣ нѣкоторыя отрасли ремесла и торговли, то одновременно возникали новыя ихъ отрасли, связанныя со все болѣшимъ проникновеніемъ техники въ частную домашнюю жизнь (электричество, радио, автомобилизмъ и т. п.). Одновременно съ громадной силой росли кадры новаго «средняго сословія» профессиональной интеллигенціи, служащихъ, чиновниковъ. Ростъ производственныхъ силъ капиталистическаго хозяйства, благодаря методамъ рационализациі труда и производства, сталъ сопровождаться относительно меньшимъ вовлеченіемъ живой рабочей силы, чѣмъ это было до войны. Въ составѣ арміи наемнаго труда въ гораздо болѣе быстромъ темпѣ росла рубрика служащихъ, чѣмъ рубрика рабочихъ.

Всѣ эти факты, вмѣстѣ взятые, не могли не поколебать прежней увѣренности въ томъ, что «сама исторія» работаетъ на превращеніе большинства населенія въ наемныхъ пролетаріевъ. Процессъ пролетаризаціи вырисовался въ чертахъ гораздо болѣе сложныхъ, запутанныхъ и противорѣчивыхъ, чѣмъ онъ казался раньше. Во всякомъ случаѣ довѣрія къ имманентнымъ законамъ историческаго развитія, обезпечивающимъ въ какомъ то предѣлѣ социализму большинство населенія и при томъ пролетарское большинство, — довѣрія къ этому будущему оказались гораздо меньше.

Случилось это въ такое время, когда это большинство, отсуммированное прежде къ болѣе или менѣе далекому будущему

му, до зарѣзу понадобилось уже въ настоящемъ. Соціалистическія партіи стали послѣ войны и революцій обѣими могами на почву отвѣтственной положительной политики и тутъ парламентское, избирательное и всякое вообще политическое большинство понадобилось уже не будущей «конечной цѣли», а для разрѣшенія ряда конкретныхъ задачъ сегодняшняго дня, увязанныхъ съ конечной цѣлью только въ томъ смыслѣ, въ какомъ борьба за социализмъ включаетъ въ себя борьбу за всякія формы культурнаго, соціального и политическаго прогресса. Пусть даже теорія о неизбежномъ превращеніи большинства населенія въ пролетаріатъ и будетъ вѣрной подъ всѣми политическими и социальными широтами, — все равно она не дастъ отвѣта на вопросъ о томъ, что дѣлать сейчасъ, когда интересы и пролетаріата и всего народа въ цѣломъ требуютъ осуществленія ряда нашихъ сегодняшнихъ требованій, для чего необходимо имѣть скольконибудь прочное большинство уже въ настоящемъ, хотя бы это большинство было не «нашимъ», а социально разнороднымъ.

Такъ социализмъ начинаетъ искать большинство тамъ, гдѣ... его можно найти.

При этомъ обнаруживается, что и въ тѣхъ странахъ, гдѣ армія наемнаго труда уже и нынѣ составляетъ большинство правоспособнаго населенія, социалистическія партіямъ до большинства остается, если порою и не длинный, то во всякомъ случаѣ очень трудно проходимый путь. При арміи труда, составляющей 60-80% всего самодѣятельнаго населенія, социалистическія партіи передовыхъ странъ собираютъ пока отъ 25 до 40 съ небольшимъ процентовъ голосовъ, включая уже сюда всѣ голоса, полученные отъ непролетарскихъ избирателей. Въ то время, какъ больше половины избирателей изъ рабочаго класса голосуетъ еще за буржуазныя и враждебныя социализму партіи, все большая и большая масса избирателей, стоящихъ внѣ соціальныхъ рамокъ пролетаріата, начинаетъ голосовать за социалистическую партію.

При томъ условіи, когда анти-капитализмъ не обязательно является, какъ въ прежнее время, социализмомъ, и иногда даже сочетается съ самыми энергичными, до истощенія доходящими, формами анти-социализма, при этомъ условіи разочарованіе въ капитализмъ широкихъ трудящихся разе еще не является тѣмъ факторомъ, который гарантируетъ ростъ социализма. Эти анти-капиталистиче-

скія чувства широкихъ массъ, шедшія прежде прямымъ путемъ на мельницу социализма, нынѣ идутъ еще и на мельницы коммунизма и фашизма. Фактически процессъ слишкомъ быстрой пролетаризаціи населенія, когда кадры пролетаріата пополняются выходцами изъ другихъ классовъ, крайне неприспособленныхъ къ темпу, ритму и всей композиціи современнаго капитализма, фактически такія формы увеличенія кадровъ пролетаріата являются съ точки зрѣнія прямыхъ интересовъ современнаго социализма не плюсомъ, а минусомъ. Фактически эти духовно смятенныя и социальнo нестойкія пролетаризованныя массы поставляютъ новобранцевъ не столько социализму, сколько фашизму и коммунизму.

Можно думать, что когда иибудь эта анти-капиталистическая энергія коммунистическаго и фашистскаго типа покинетъ берега реакціи и войдетъ въ русло социальнаго, политическаго и культурнаго прогресса. Тогда изъ этой энергіи анти-капитализма родится энергія социализма. Но даже при самой твердой вѣрѣ въ эту будущую трансформацію современному социализму приходится затрачивать значительную долю своихъ силъ не на посредственную борьбу съ капитализмомъ и капиталистическими классами, а на борьбу со страстями и утопизмомъ социальнo очень близкихъ къ нему трудящихся массъ. Иногда эта борьба на фронтѣ пролетарской реакціи принимаетъ гораздо болѣе напряженныя и внѣшне драматическія формы, чѣмъ борьба на фронтѣ, гдѣ происходитъ встреча съ представителями незавуалированной капиталистической реакціи. Сейчасъ во всей трагической обнаженности передъ социализмомъ стоитъ фактъ такого глубокаго раскола и рабочаго движенія и рабочаго класса, что борьба за социализмъ является ужъ не только борьбой противъ буржуазіи, но и въ немаломъ числѣ случаевъ и борьбой противъ опредѣленныхъ кадровъ пролетаріата.

При этомъ нѣтъ теперь того утѣшенія, которое бывало раньше, когда изъ среды рабочихъ вербовались кадры истрейкбрехеровъ, «избирательное мясо» для капиталистическихъ кандидатовъ и т. п. Тогда легко было и правильно было все это охарактеризовать, какъ «подкупленную», «темную» и т. п. массу. Въ фактахъ истрейкбрехерства, «желтыхъ синдикатовъ», въ различныхъ формахъ «зубатовщины», во всякой социальнo-политической или социальнo-полицейской мерзости, свивавшей себѣ то тамъ, то

здѣсь, внутри рабочаго класса, отдѣльныя звѣзда, не было ничего социологически угрожающаго, что могло бы въ какой-то степени подорвать или ослабить классовую концепцію современнаго социализма.

Но съ этими формами отсталости, темноты, несознательности и т. п. нынѣшнія явленія консолидаціи антисоциалистическихъ силъ внутри рабочаго класса имѣютъ весьма мало общаго. Это тоже темнота, отсталость, но это уже не «несознательность» въ прежнемъ смыслѣ слова, когда она была связана съ пассивностью, безволіемъ, благодаря которымъ отдѣльныя группы внутри рабочаго класса и становились жертвами тѣхъ или иныхъ реакціонныхъ комбинацій. Нѣтъ, теперь это стало формами вполне сложившагося сознанія, порою болѣе даже догматически закруженнаго и безнадежно окончательнаго, чѣмъ сознаніе социалистическое, какъ разъ освободившееся отъ значительной доли прежняго догматизма. А что касается активности въ смыслѣ «прямого дѣйствія», то ея у представителей пролетарской «темноты» и «отсталости» хотѣ отбавляй.

При такихъ условіяхъ проблема социалистическаго большинства, ставшая изъ проблемы будущаго проблемой настоящаго, не можетъ уже въ социалистическомъ сознаніи находиться въ такой исключительной связи съ рабочимъ классомъ, въ какой она находилась раньше. Если раньше это социалистическое сознаніе было, такъ сказать, пролетарско-моногамичнымъ, то теперь оно все болѣе становится народно-полигамичнымъ.

**

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, изъ всѣхъ классовъ современнаго общества пролетаріатъ легче всего воспринимаетъ идеи социализма. Въ этомъ нѣтъ ничего мистическаго, мета-исторически предопредѣленнаго, потому что идеи социализма и сложились главнымъ образомъ изъ анализа положенія пролетаризованныхъ массъ и изъ поисковъ радикальнаго выхода изъ этого тягчайшаго положенія. Не въ томъ дѣло, что пролетаріатъ былъ «предрасположенъ» къ социализму, а въ томъ, что социализмъ былъ предрасположенъ къ пролетаріату. Въ этомъ смыслѣ социализмъ былъ и есть, и покуда будетъ существовать об-

щество раздѣленное на классы, всегда будетъ пролетарскимъ. Пролетарскимъ социализмъ будетъ, по крайней мѣрѣ въ странахъ наибольшаго своего развитія, и по социальному составу большинства своихъ постоянныхъ и переменныхъ человѣческихъ массъ, составляющихъ его реальную политическую и социальную силу. Современный социализмъ вообще очень слабо учитываетъ социальный составъ своихъ послѣдователей. Но для цѣлаго ряда европейскихъ странъ не подлежитъ никакому сомнѣнію совершенно исключительное преобладаніе рабочихъ въ составѣ членовъ социалистическихъ партій и во многихъ случаяхъ также и въ составѣ избирателей.

Такимъ образомъ и по своимъ историческимъ и духовнымъ истокамъ и по социальному составу своихъ дѣйствующихъ массъ современный социализмъ несомнѣнно является пролетарскимъ. Даже при самыхъ большихъ успѣхахъ социализма въ другихъ классахъ населенія эти факты и численнаго преобладанія пролетариата и его, такъ сказать, социальной первозванности въ социалистическомъ движеніи не будутъ вычеркнуты изъ характеристики современного социализма.

Но тутъ-то какъ разъ и начинается центръ проблемы: вотъ этотъ несомнѣнно пролетарскій социализмъ становится все менѣ классовымъ. Ибо самый пролетариатъ, составляющій кадры социалистическаго движенія, противится все больше и больше тому типу социалистическаго классоваго сознанія, которое было характерно для того періода, когда рабочій классъ былъ и объективно, и въ сознаніи другихъ классовъ, а главное въ своемъ собственномъ сознаніи «низшимъ классомъ общества»; когда онъ былъ только субъектомъ, но не объектомъ всѣхъ социальныхъ, общественныхъ и культурныхъ процессовъ, совершавшихся въ странѣ; когда «ему нечего было терять кромѣ своихъ цѣпей», а выиграть ему въ его сознаніи надо было только «цѣлы й міръ», потому что на выигрышъ «частей» этого міра у него не было надеждъ, и социализмъ къ такого рода надеждамъ относился отрицательно. Вотъ такому классовому сознанію современные передовые элементы рабочаго движенія чужды и становятся все болѣе чуждыми. Объективно существуютъ еще тысячи причинъ для того, чтобы и теперь, послѣ ряда революцій, послѣ громадныхъ успѣховъ рабочаго движенія, послѣ чрезвычайнаго развитія социальнаго законодательства рабочій

классъ чувствовалъ бы себя остро обиженнымъ всей системой современныхъ социальныхъ отношеній. Достаточно только вспомнить о десяткахъ милліоновъ безработныхъ, изъ которыхъ значительная часть какъ будто безнадежна безработна. И тѣмъ не менѣе даже въ качествѣ безработнаго современный рабочий, участникъ социалистическаго движенія, въ массѣ своей не подчинится чарованію того классоваго сознанія, которое характерно было для рабочаго движенія еще лѣтъ 15-20 тому назадъ. Даже въ качествѣ безработнаго онъ не объектъ социальной филантропіи другихъ классовъ, а правомочный претендентъ на опредѣленные части общенациональнаго дохода, на помощь изъ своихъ же собственныхъ средствъ въ профессиональномъ союзѣ. И крайне характерно, что тамъ, гдѣ помощь безработнымъ поставлена на болѣе обидный для социального самосознанія рабочихъ основанія, тамъ рабочіе очень часто совсѣмъ минуяютъ органы учета и помощи безработнымъ. На это указываютъ во Франціи, это очень широкое явленіе въ Сѣв. Америкѣ, гдѣ значительные кадры организованнаго труда отвергаютъ всякаго рода государственное страхованіе рабочихъ «принципіально», видя въ этомъ какое-то ущемленіе ихъ ...классоваго самосознанія.

Нѣтъ ничего болѣе поверхностнаго, какъ объяснять ослабленіе классовой точки зрѣнія въ современномъ социализмѣ соблазнами «ревизионизма» и вообще идеологіи интеллигентскихъ секторовъ социалистическаго движенія. Не у интеллигентовъ теоретиковъ ослабѣло прежнее классовое сознаніе, а у рабочихъ практиковъ. У послѣднихъ оно всегда было слабѣе, чѣмъ у первыхъ. Но тутъ произошло нѣчто исторически весьма значительное: въ руководствахъ социалистическимъ рабочимъ движеніемъ все большее и большее вліяніе пріобрѣтали практики движенія, непосредственно связанные съ массами, этими массами выдвинутые, изъ рядовыхъ выбившихся на руководящія посты. И чѣмъ болѣе росла роль пролетаріевъ въ руководствахъ движеніемъ, тѣмъ болѣе слабѣла пролетарская гочка зрѣнія самаго руководства. Такъ получился тотъ парадоксъ, который такъ удивилъ Вандервельде на конгрессѣ французской социалистической партіи въ Бордо: представители партіи, которые довольно далеки отъ рабочаго класса, болѣе доки по части пролетарскаго классоваго сознанія, чѣго отнюдь нельзя сказать про представите-

лей партіи бельгійской, которая и сама весьма рабочая партія и представители которой сами нынѣшніе или вчерашніе рабочіе «отъ станка». Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что во французской социалистической партіи уровень классовой сознательности руководства весьма значительно понизился бы, если бы партія стала пролетарской не по точкѣ зрѣнія, а по точкѣ опоры.

Откуда берется эта обратная пропорція между точкой зрѣнія и точкой опоры? Для интеллигента-идеолога приходъ въ социализмъ есть въ значительномъ числѣ случаевъ сниженіе своего социальнаго состоянія. Во всякомъ такомъ приходѣ всегда имѣется элементъ какого-то добровольнаго выхода изъ стана преуспѣвшихъ или преуспѣвающихъ. Пусть за даннымъ человѣкомъ осталось все его богатство, положеніе, всякаго рода наслѣдственные и благопріобрѣтенные ранги, онъ все-таки осуществляетъ какой-то актъ разрыва съ современнымъ ему обществомъ. Въ этой психологій разрыва всегда кроется потребность опоясать себя такимъ мечемъ духовнымъ, передъ разящей силой котораго въ паникѣ отступали бы всѣ соблазны стараго міра, однажды сознательно отвергнутаго. Такимъ мечемъ духовнымъ часто является «классовая точка зрѣнія», заключающаяся въ томъ, что какаютосумма необходимыхъ добродѣтелей и оцѣнокъ, ставящихъ даннаго отщепенца въ боевую позицію къ его прежней социальной родинѣ, воспринимаются какъ «пролетарскія», какъ имманентныя самому «существу» пролетаріата и какъ единственно способныя привести этотъ классъ къ побѣдѣ. Въ значительномъ числѣ случаевъ «классовое пролетарское сознание» является не болѣе чѣмъ крестнымъ знаменіемъ отщепенцевъ современнаго общества, при помощи котораго они охраняютъ себя отъ бѣсовскихъ искушеній этого общества.

Между тѣмъ социально-психологическій комплексъ прихода къ социализму рабочаго во многихъ отношеніяхъ прямо противоположенъ предыдущему. Входя въ социализмъ и въ рабочее движеніе для того, чтобы объявить современному буржуазно-капиталистическому обществу войну, рабочій именно при помощи институтовъ и достижений современнаго социалистическаго движенія становится соучастникомъ нѣкоторыхъ значительныхъ социальных-экономическихъ, политическихъ и культурныхъ благъ этого общества. Социализмъ подымаетъ въ этомъ рабочемъ

вѣру въ будущее, но эта вѣра тѣмъ сильнѣе и крѣпче, чѣмъ сильнѣе и крѣпче рабочій начинаетъ себя чувствовать въ настоящемъ. Онъ приходитъ въ социализмъ не для того, чтобы отряхнуть съ себя прахъ современнаго общества, а для того, чтобы стать равноправнымъ и все болѣе энергичнымъ потребителемъ и обладателемъ тѣхъ благъ, которыя въ этомъ обществѣ въ нынѣшнемъ его состояніи имѣются въ наличности.

Во всякомъ приходѣ въ социализмъ интеллигента имѣется когда видимый, когда скрытый, но неизмѣнно присутствующій элементъ опрощенія. Иногда это выражается въ опрощеніи костюма, стиля письменной и устной рѣчи, въ произвольной добавочной акцентировкѣ разнообразныхъ прежде подспудныхъ сторонъ духовнаго существа обращеннаго. Но во всякомъ приходѣ въ социализмъ рабочаго всегда почти и видимо имѣется оцутительный элементъ осложненія. Для сотенъ тысячъ и милліоновъ рабочихъ хорошая книга, хорошій спектакль, честная чистая газета, передовой фильмъ, своя собственная болѣе чистая рѣчь, иная болѣе «буржуазная» манера обращенія съ существомъ другого пола, болѣе чистый костюмъ и чистыя руки начинаются только вмѣстѣ съ вступленіемъ въ ряды социалистическихъ организованнаго пролетаріата. То, что даетъ внутренній подъемъ, жизненную силу всему его социалистическому сознанию, — это какъ разъ не исключеніе себя изъ современнаго общества, а включеніе себя въ него путемъ внутренняго и внѣшняго приобщенія къ созданной и накопленной въ прошломъ и настоящемъ культурѣ, которая есть культура буржуазная и никакой иной для ближайшей эпохи быть не можетъ. И именно этимъ приобщеніемъ къ современному обществу, а не изоляціей отъ него, и дорогъ современный социализмъ рабочимъ массамъ.

Естественно, что социальная ориентація этихъ пролетарскихъ массъ будетъ далека отъ замыкающаго классоваго догматизма интеллигентскаго «пролетарскаго сознания». Въ возможности соединенія своихъ силъ съ силами другихъ классовъ для осуществленія задачъ, лежащихъ на пути къ его борьбѣ за социализмъ, онъ увидитъ не ущербленіе силы рабочаго класса, а манифестацію своей силы, упражненіе ея на политическихъ и социальныхъ позиціяхъ, завоеванныхъ въ значительной мѣрѣ усилиями самого рабочаго класса. У него будетъ потребность демонстриро-

вать свою классовую сознательность не въ томъ, что ставитъ его внѣ общества, невольнымъ или добровольнымъ изгоемъ изъ него, а въ томъ, что свидѣтельствуетъ о его успѣхахъ по части овладѣнія социальными и культурными позиціями внутри этого общества.

Даже въ области непосредственного столкновения его интересовъ, какъ продавца рабочей силы, съ капиталистами, какъ покупателями этой силы, онъ займетъ менѣе подчеркнутую классовую позицію, чѣмъ иной представитель чистой классовой идеологии. Это совсѣмъ не новое явленіе, вызванное «правымъ» повѣтріемъ. Неоспоримымъ историческимъ фактомъ является то, что въ довоенной и до-революціонной Германіи с.-д. профессиональные союзы были гораздо правѣе и съ тогдашней точки зрѣнія гораздо менѣе классово сознательными и выдержанными, чѣмъ партійныя организаціи германской социаль-демократіи. Профессиональные союзы служили опорой всего германскаго ревизионизма и линія треній, иногда довольно острого, между партией и профессиональными союзами проходила какъ разъ въ вопросѣ о томъ, что есть и что не есть классовая политика рабочаго класса.

Во всякомъ случаѣ не только въ настоящемъ, но и въ прошломъ были достаточно показательные факты, говорившіе о томъ, что классическія формы классоваго пролетарскаго сознанія были въ гораздо большей мѣрѣ удѣломъ непролетарскихъ пришельцевъ въ рабочее движеніе, чѣмъ пролетарскихъ. Когда выходны изъ рабочаго класса стали въ гораздо большей мѣрѣ чѣмъ раньше опредѣлять социальную-идеологическую физиономію всего социалистическаго движенія, тогда догматика классовой точки зрѣнія значительно потускнѣла. И между этими двумя явленіями обнаружилась прямая причинная связь.

Эта догматика встала въ социальную-психологическое противорѣчіе со всѣмъ міроощущеніемъ рабочаго класса, переставшаго и субъективно и объективно быть «самымъ низкимъ классомъ общества», классомъ, которому ничего не жаль, потому что у него ничего нѣтъ, кромѣ цѣпей. И, вставъ въ противорѣчіе со всѣмъ міроощущеніемъ рабочаго класса нашей эпохи, эта догматика должна была подвергнуться себя самокритикѣ и отступить отъ наиболѣе крайнихъ своихъ позицій. Это и происходитъ въ современномъ социализмѣ, даже на наиболѣе ортодоксальныхъ его участкахъ.

*
**

При этомъ, конечно, не обходится безъ обычной консервативной ухватки нашего мышленія, безъ вѣчнаго стремленія совѣзмъ новыя и непохожія вещи называть все-таки старыми похожими именами. Я старался это нѣсколько разъ показать по отношенію къ понятію революціи, которое стало примѣняться къ явленіямъ, ничего общаго съ революціей не имѣющимъ. Стали злоупотреблять этимъ понятіемъ именно потому, что употреблять его стало все труднѣе и труднѣе. Изъ этихъ трудностей родилось понятіе «мирной революціи» и рядъ не менѣе произвольныхъ образныхъ условностей.

Подобныя условности, когда совѣзмъ невинныя, когда совершенно сбивающія съ толку, появились и въ связи съ классовой борьбой. Я остановлюсь на нѣсколькихъ характерныхъ примѣрахъ. Было время, когда участіе представителей социалистическихъ партій въ буржуазныхъ правительствахъ считалось абсолютнымъ противорѣчіемъ съ идеей и принципомъ классовой борьбы. Коалиція отрицалась принципиально. Сейчасъ нѣтъ ни одной социалистической партіи, которая стояла бы на точкѣ зрѣнія принципиальной недопустимости коалиціи. Даже французская социалистическая партія, наиболѣе упорно сопротивляющаяся коалиціи, откровенно мотивируетъ свою тактику тѣмъ, что она для коалиціи еще слишкомъ... слаба *). Воздержаніе отъ коалиціи является въ данномъ случаѣ для партіи всего только «достоинствомъ ея недостатковъ». Теперь никто не утверждаетъ, что коалиція противорѣчитъ классовой борьбѣ. Наоборотъ, нѣтъ недостатка въ заявленіяхъ о томъ, что коалиція — это... тоже классовая борьба, но только ведомая другими средствами.

Въ этомъ утвержденіи имѣется много отъ лукавства консервативнаго разума, стремящагося идеологическаго спокойствія ради примѣнять старый терминъ къ совершенно новому явленію. Если освободиться отъ желанія путемъ діалектическихъ переуточненностей «пристроить» новое явленіе къ старымъ понятіямъ, то становится совершенно очевиднымъ, что та «тоже классовая борьба», ко-

*) См., напр., статью Comperre-Morel въ партійномъ бюллетенѣ «La Vie du Parti» № 2 отъ 6-XII 1929 г.

торая заключена въ коалиціи съ буржуазными партіями, является прямой противоположностью той просто классовой борьбы, во имя которой участіе въ такой коалиціи рѣзко и принципиально отвергалось. И если современный социализмъ принять идею коалиціи, то это не потому, что впоследствии онъ понялъ, что коалиція не есть измѣна принципу классовой борьбы, а потому, что онъ настолько силенъ, что коалиція стала политической необходимостью независимо отъ того, хорошо или плохо или совсѣмъ она не укладывалась въ прежнюю теорію классовой борьбы.

Передъ нами другой примѣръ такого же подведенія новыхъ явленій подъ старыя понятія. Въ своемъ докладѣ въ Брюссельскомъ университетѣ «о социалистической доктринѣ» Э. Вандерверде коснулся и эволюціи формъ классовой борьбы. «Существуетъ разница, — говорилъ онъ, — между классовой борьбой силезскихъ ткачей, въ отчаяніи своемъ бросающихся разрушать ткацкія машины и разстрѣливаемыхъ за это прусскими солдатами, и классовой борьбой организованныхъ англійскихъ рабочихъ, усаживающихся за одинъ столъ съ представителями двухъ крупнейшихъ капиталистическихъ организацій, для того чтобы въ качествѣ равноправныхъ участниковъ выработать такія мѣры для увеличенія производства, которыя не вредили бы интересамъ рабочихъ. Вступая въ такіе переговоры, англійскій рабочий не отказывается отъ послѣдняго средства, отъ стачки, и отъ своихъ симпатій къ социализму» *).

Несомнѣнно, и впаившая въ дикое отчаяніе толпа силезскихъ ткачей, съ которой разговариваютъ языкомъ разстрѣловъ, и прочно и строго организованный современный тредъ-юніонъ, членъ котораго сидитъ въ правительствѣ величайшей міровой имперіи — оба они ведутъ классовую борьбу, потому что и тогда, въ 1844 году, и теперь существуетъ противорѣчіе классовыхъ интересовъ между трудомъ и капиталомъ, и тогда и теперь рабочіе и капиталисты свои интересы, какъ умѣли, отстаивали. Мы, однако, сразу чувствуемъ, что это признаніе наличности классовой борьбы и въ дикомъ бунтѣ силезскихъ ткачей и въ мирномъ организованномъ давленіи англійскихъ тредъ-юніоновъ ровно ничего не дастъ намъ для пониманія прин-

*) Напечатано въ «Die Gesellschaft» № 8 за 1930 г.

диплальной разницы между этими двумя явлениями, отдѣленными другъ отъ друга почти столѣтїемъ; перевернувшимъ весь міръ и въ томъ числѣ рядъ устарѣвшихъ представлений о немъ. Въ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ рабочимъ классомъ, который пока что еще только классъ для другихъ, но совсѣмъ еще не классъ въ своемъ собственномъ сознаніи. Классовая борьба — это здѣсь гораздо больше та борьба, которую противъ него ведутъ, чѣмъ та, которую онъ самъ ведетъ. Въ другомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ рабочимъ классомъ, который составляетъ уже подавляющее большинство населенія страны, который уже второй разъ стоитъ у власти, который политически является руководящей силой страны. Этотъ классъ рѣзко отвергаетъ всѣ классовыя концепціи, потому что въ своемъ сознаніи онъ считаетъ себя чѣмъ то гораздо болѣе чѣмъ классъ, онъ считаетъ себя «всѣмъ» въ духѣ Сіейса и для него классовая концепція просто непонятна: какой же онъ, прости Господи, классъ, когда онъ... 80 процентовъ всего населенія страны и образуетъ правительство «Его Величества» короля англійскаго?

Если про пролетаріатъ стили «Ткачей» Гауптмана надо сказать, что онъ еще не классъ, то про пролетаріатъ современного англійскаго социализма можно съ извѣстнымъ правомъ сказать, что онъ уже не классъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ это понятіе фигурировало въ принципахъ социалистической тактики дѣтъ 20-30 тому назадъ.

Тѣ методы защиты пролетаріатомъ своихъ интересовъ, которые нынѣ идеологическаго спокойствія ради тоже именуются классовой борьбой или «тоже классовой борьбой», когда то именовались методами «соціального мира» и именно поэтому отвергались. Теперь они не отвергаются, а практикуются и признаются, при этомъ еще въ формахъ, далеко превосходящихъ самыя мрачныя подозрѣнія бывшихъ противниковъ «соціального мира». Что же произошло за это время: измѣна идеологовъ? Нѣтъ, произошло такое усиленіе позицій рабочаго класса, при которомъ и онъ самъ и его идеологи перестали пугаться методовъ борьбы, когда то заклеянныхъ «соціальнымъ миромъ». Теперь уже идеологи боятся не столько этихъ методовъ, сколько всего только такихъ сужденій о нихъ, которыя бы нарушили стройность прежнихъ теорій, эти методы отвергавшихъ. Поэтому на скорую руку создаютъ

ся успокоительныя концепціи о томъ, что вся эта неслышанная и невиданная новизна социалистическаго движенія вполне совмѣстима съ теоріей, когда то эту новизну въ первыхъ ея зачаткахъ проклинали.

*
**

Тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ отъ себя скрывать всю глубину происходящаго идеологическаго сдвига. За старыми названіями кроется новое содержаніе. Практика социалистическаго движенія съ его разнообразными формами, съ его социально разнообразными группами участниковъ и попутчиковъ явно не укладывается въ старыя идеологическія схемы. Ихъ частично подновляютъ всегда съ нѣкоторымъ опозданіемъ и съ нѣкоторой неохотой, благодаря чему бывшая стройность этихъ схемъ пропадаетъ и идеологическій покровъ движенія становится лоскутнымъ.

При этомъ нѣтъ уже прежней тревоги за «цѣлостность» и «выдержанность» теоріи. Движеніе стало гораздо болѣе эмпиричнымъ и прежній идеологическій монизмъ его смѣнился идеологическимъ плюрализмомъ. Всякаго рода торжественно декларированныя несовмѣстимости социализма съ тѣми или иными умственными теченіями, возникшими внѣ его духовной сферы, нынѣ отпали, и самая марксистская партія въ настоящее время, австрійская, является одновременно одной изъ наиболѣе «махистскихъ» и даже «кантіанскихъ». Во главѣ наиболѣе далеко идущей ревизіи классическаго марксизма становится нынѣ самъ Карлъ Каутскій, въ свое время скрестившій свою шпагу съ Берпштейномъ въ защиту ортодоксіи.

Эта ревизія Каутскаго не щадитъ и основного положенія классическаго марксизма, выраженнаго въ «Коммунистическомъ Манифестѣ», о томъ, что «исторія всего предшествующаго общества есть исторія борьбы классовъ». Въ своемъ обширномъ компендіумѣ «Материалистическое пониманіе исторіи», вышедшемъ въ 1927 г., Каутскій послѣ сложной цѣпи соображеній приходитъ къ выводу, что классовая борьба отнюдь не законъ всей исторіи человечества, а весьма краткаго ея отрѣзка, примѣрно отъ возникновения промышленнаго капитализма. Въ развитіи человѣческихъ обществъ Каутскій придаетъ громадное зна-

ченіе «біологическому апіорі» чловѣческаго рода и множество соціологическихъ явленій онъ объясняетъ не классовой борьбой, а такими элементами этого «біологическаго апіорі», какъ стремленіе къ знанію, красотѣ, какъ инстинктъ любви и т. п. Подъ перомъ Каутскаго оживаютъ и нѣкоторыя теоріи Дюринга, видяція въ насиліи, въ завоеваніяхъ одну изъ движущихъ силъ историческаго развитія. Въ частности возникновеніе государства и классовъ онъ тоже склоненъ выводить изъ факта завоеванія.

Въ мою задачу не входитъ изложеніе современныхъ взглядовъ Каутскаго на роль классовой борьбы въ исторіи чловѣческихъ обществъ. Важно только установить, что само это понятіе классовой борьбы перестало быть предметомъ не критическаго теоретическаго и тактическаго почитанія и изъ чудеснаго стивоспасающаго средства нахожденія теоретической и практической истины она превратилась всего только въ одно изъ средствъ нахожденія этой истины, хотя и очень важное. Это низведеніе классовой борьбы изъ принципа въ фактъ, продѣлываемое нынѣ въ теоріи, стало возможнымъ только потому, что сама практика социализма вмѣстѣ съ расширеніемъ своихъ задачъ и возможностей должна была отступить отъ прежнихъ нормъ и догмъ классовой борьбы. Критическія дерзанія теоріи явились только знаменательнымъ откликомъ на бурный ростъ самаго движенія, для котораго прежнія рамки теоріи оказались слишкомъ узкими.

Такъ создались матеріальныя и психологическія предпосылки для замѣтнаго ослабленія классоваго сознанія современнаго социализма. Это ослабленіе классоваго сознанія социализма было только другой стороной усиленія въ немъ сознанія своей духовной и соціальной избранности для всѣхъ людей, которые изъ духоты современнаго капиталистическаго режима стремятся на просторы свободнаго организоваваемаго и коллективнаго труда. Претензіи социализма стали болѣе универсальными, онъ сталъ значительно шире класса и, выйдя черезъ рабочій классъ въ моральный міръ и другихъ классовъ, онъ ощутилъ въ себѣ свою всенародно и всечловѣчески освободительную миссію съ такой ощутимо убѣдительною силой, при которой прежнія концепціи классовой борьбы оказались для него духовно стѣснительными.

Потеря перспективы такой пролетаризаціи населенія, при которомъ промышленный пролетаріатъ станетъ абсо-

лютымъ большинствомъ населенія во всѣхъ промышленныхъ странахъ; необходимость социалистическаго большинства не въ далекомъ будущемъ для совершенія социальной революціи, а для ближайшаго будущаго для проведенія социальныхъ и политическихъ реформъ; ростъ социального и культурнаго сознанія рабочаго класса, ослабленіе въ немъ чувства своей изоляціи въ современномъ обществѣ и государства, продвиженіе передовыхъ элементовъ рабочаго класса на руководящія позиціи въ современномъ демократическомъ государствѣ; усиленіе въ рабочемъ и социалистическомъ движеніи руководящей роли поднимающихся вверхъ рабочихъ за счетъ ослабленія роли спускающейся или падающей социальнo интеллигенціи — вотъ изъ суммы подобныхъ явленій, вкратцѣ характеризованныхъ на предыдущихъ страницахъ, и складывается кризисъ классоваго сознанія въ современномъ социализмѣ.

Кто за этимъ кризисомъ почувствуетъ мощное дыханіе новой эпохи, открывающей передъ социализмомъ широчайшіе горизонты, того не огорчитъ тотъ фактъ, что до поры до времени, до новаго теоретическаго синтеза, прежніе теоретическіе чертежи будутъ фигурировать въ сильно испорченномъ видѣ.

Ст. Ивановичъ.